

30 мая у Любви Николаевны день рождения! Мы поздравляем ее с ним и с предстоящим Днем библиотек. Поздравляем также всех сотрудников библиотек города с профессиональным праздником! Желаем всем Вам творческих успехов, новых дел и свершений.

*Дробышева И.Н., Лупарева В.Я. //Губернские ведомости.-2001.-26 мая*

### **Из воспоминаний**

Мое знакомство с библиотекой началось задолго до того, как я пришла сюда работать. Будучи школьницей, я посещала юношеский читальный зал. Помню, готовила здесь порученный учителем литературы доклад на тему: «Творчество Роберта Рождественского». Библиотекарь принесла мне кучу журналов, газет со статьями о Рождественском. Я была страшно удивлена тем, как быстро она нашла все это. Кстати, потом этот доклад произвел большое впечатление на учителя, и меня водили по параллельным классам, чтобы я его повторила там, освобождая от уроков математики (чему я была нескончаемо рада)

Но стать библиотекарем я не мечтала. У меня были другие, заоблачные, планы. Мне хотелось быть то актрисой, то режиссером, то журналистом. Но учиться непременно в Москве. Но в ГИТИСе я дошла только до второго тура актерского факультета (о режиссерском даже и мечтать нельзя было - необходим был стаж работы), с горя поступила на театральный факультет заочного университета культуры и поехала в Химки - поступать во МГИК, конечно же, на режиссерский факультет. Но, узнав о том, что нужно было помимо экзаменов, представить разработку постановки спектакля, о чем я не имела представления, я подала документы на библиотечный факультет. Единственным мотивом выбора была возможность доступа к литературе, к чтению. Но с библиотечным факультетом тоже не получилось: получив оценки 5,5,4,4, я не добрала одного балла на специальность «Массовые библиотеки». При всем при этом у большинства из тех, кто поступил, было меньше набрано баллов, но они либо были представителями народов СССР, либо имели стаж работы в библиотеке и поэтому шли вне конкурса, даже с тройками. После коллоквиума мне

предложили пойти на отделение технических или детских библиотек. Но мне показалось это совсем неинтересным. Что же я всю жизнь буду технические или детские книги читать? К тому же я заскучала по дому. И я отказалась.

Приехав домой, я пошла на литфак. Помню, на собеседовании Юрий Васильевич Шатин сказал кому-то из преподавателей: «Вот закончит институт и вместо школы уйдет в библиотеку...». На что я ответила: «Что вы! Мне нужна творческая работа, я в библиотеке засохну!». И забыла о своей попытке стать библиотекарем. Тем более жизнь закрутилась в невероятном темпе: занятия в Новокузнецком пединституте, масса контрольных и практических работ, которые каждый месяц нужно отправлять в Москву, студенческий театр, студенческая газета, народный театр клуба строителей, любовь. Моя жизнь всегда отличалась сумасшедшим ритмом.

Помню, каким событием у нас в институте стал переезд Гоголевки в новое здание. Студенты спрашивали друг у друга: «Ты был (а) в Гоголевке?». Ходить в Гоголевку было так же престижно, как в Большой театр. Постоянными читателями библиотеки были наши преподаватели. Я помню, как наш преподаватель по истории КПСС сказал нам, что только в Гоголевке можно найти труды Сталина («Правда, в каталоге их нет, но если хорошо попросить у библиотекаря...»), а преподаватель советской литературы не принимал экзамена, если студент не прочитал роман Булгакова «Мастер и Маргарита», который был опубликован в журнале «Москва». («Подойдите к библиотекарю и попросите, у них есть две книги-самоделки»).

После института я работала в школе, вышла замуж. Моему мужу приходилось тяжело: случалось и тетрадки провсрять, и рисовать декорации для школьного театра, и сопровождать класс на экскурсии, и изготавливать дидактический материал для уроков. Я проводила огромное количество открытых уроков литературы, представляющих собой своеобразные уроки-спектакли, уроки-концерты. Детям и различным комиссиям это очень нравилось. Но сейчас, став мудрее, я понимаю, что если бы я и дальше продолжала в том же плане, мои ученики остались бы литературно неграмотными. Выступая перед ними, я им предоставляла на уроках довольно жалкую роль зрителей.

Родителям было жалко меня. И они стали искать для меня спокойную работу. Мой папа был хорошо знаком с мужем Марии Андреевны Соловьёвой, знал и ее саму. И он позвонил ей и порекомендовал меня для работы в библиотеке, красочно описав мои достоинства (всем родителям их дети кажутся самыми лучшими!). Так я оказалась в Гоголевке. И хотя все это произошло случайно, наверное, тому суждено было быть. Не зря жизнь меня постоянно подталкивала к библиотеке.

Марию Андреевну я представляла холодной, величественной, суровой дамой. И была поражена ее простотой, обаянием, ее мягким, завораживающим голосом. Она встретила меня очень ласково, расспросила обо всем, а потом задумчиво так произнесла: «Вам, наверное, нужно работать там, где много массовой работы». И засмеялась, увидев, как я подпрыгнула на стуле: «Да, да, конечно!». Так я очутилась в читальном зале.

Честно сказать, сначала мне коллектив читального зала не понравился. Встретили меня несколько настороженно. Сейчас-то я понимаю, почему. Решив, что я «блатная», т.е. принята по знакомству, не ждали от меня ничего хорошего.

Но потом, как-то сразу отношение изменилось, и читальный зал стал для меня родным домом.

Своим учителем, наставником в первый год работы в библиотеке я считаю Галину Андреевну Столбову. Она была не намного старше меня, но уже проработала в библиотеке 8 лет после библиотечного техникума и казалась мне ветераном. Как она учила меня работе! Мы ходили по фонду, и она рассказывала не только о правилах расстановки книг, библиотечной классификации, но и о самых читаемых книгах, о постоянных читателях и их особенностях. Несколько дней при расстановке литературы я ставила книги на ребро, Галя проверяла и, наконец, сказала: «Все! Теперь можешь расставлять сама!». Потом она предложила мне подготовить обзор литературы (предварительно познакомив с методикой его проведения) - и прежде чем выпускать меня на читателя, заставила рассказать ей. Мне тогда было смешно. Я проводила открытые уроки для педагогов города, я играла на сцене, сама составляла сценарии - и меня проверять! Но потом я поняла целесообразность этого шага старшего библиотекаря. Рассказывая читателям о книге, я стремилась найти что-то захватывающее,

какую-то изюминку, чтобы они захотели взять книгу, но при этом мне не казалось важным сообщать, когда и где книга была издана, в какой серии вышла. Разве это так важно? А Галя Столбова учила меня проводить обзоры по всем правилам. Очень жаль, что она ушла из библиотеки – она была высоким профессионалом. После Столбовой старшим библиотекарем общего читального зала стала Вера Малинова (Ямшанова). Несмотря на свою молодость и недостаток опыта, Вера сразу же зарекомендовала себя высококвалифицированным специалистом. Она много внимания уделяла работе с фондом, хорошо знала современную литературу, увлекалась кино и театром, разбиралась в изобразительном искусстве.

Заведующей читальными залами тогда была Галиева Валентина Ивановна. Очень приятная, улыбчивая, она вносила в нашу работу душевное спокойствие. С ней было комфортно, она умела сопереживать, сочувствовать, с ней мы чувствовали себя увереннее. Она защищала нас от начальства, всегда стремилась помочь.

Коллектив читального зала был молодой. Мы жили дружно и весело. Но не замыкались в своем кругу – очень дружили с юношеским читальным залом: Людой Демидовой, Женей Муратовой (Зих), Ирой Тянь, с обработкой: Люсей Пироговой, Натасей Бобровской, восторгались неподражаемой Ниной Федоровной Елисеевой. Отмечали праздники, дни рождения, свадьбы, рождения детей. Как-то раз даже выпустили стенную газету для сотрудников читального зала. Единственный недостаток – коллектив часто менялся. Это было и неудивительно – зарплата библиотекаря во все времена оставляла желать лучшего.

Мне приходилось много заниматься массовой работой, что я делала с большим удовольствием. Где только не приходилось выступать: в институтах, магазинах, аптеках, общежитиях, в школах перед педагогами, даже в горкоме комсомола перед его сотрудниками. Лекции, беседы, вечера, устные журналы... Причем не всегда выделялось время для того, чтобы подготовиться к выступлению. Особенно мне запомнилось одно выступление перед военнослужащими. В этот день я обслуживала читателей. Валентина Ивановна Галиева буквально бегом прибежала на третий этаж и взмолилась: «Выручай! Мой сосед – замполит в воинской

части – просит выступить перед солдатами». Ну, выступить, так выступить. «Когда?» – спрашиваю. «Сейчас», – отвечает она. «Какая тема?», – «Любая!». – «А где эти солдаты?», – «В Абагуре!». – «?!». – «Не беспокойся, тебя сейчас же туда отвезут и назад привезут!». Быстро одевшись и взяв под мышку большую серую тетрадь с лекциями, я спустилась с крыльца библиотеки и остановилась в оцепенении. У входа в библиотеку стоял огромный бронстранспортер. Помню, какос мученис было схать на нем – трясет, страшно громыхает, холодно и долго... Наконец-то, подъехали к дощатому клубу. На крыльце меня встретил замполит: «Проходите быстрее, зал уже полон». Наскоро причесавшись, захожу в большой зал, заполненный солдатами. Раздаются бурные, продолжительные аплодисменты. Поднимаюсь на сцену и начинаю рассказывать (о чем, уже не помню, но что-то не очень мудренное). Вижу лица солдат, вроде глаза осмысленные, реагируют хорошо, сразу же обсуждают услышанное. Но почему они так громко говорят? Вдруг я с ужасом понимаю, что меня совсем не слушают. Я начинаю использовать всевозможные приемы воздействия на публику – не помогает. Не слушают! Чем громче говорю я, тем громче говорят они. Такого провала у меня еще не было никогда! Механически продолжаю говорить, мечтая только о том, чтобы скорее все закончилось. Наконец, заканчиваю и вдруг слышу шквал аплодисментов, которые не кончаются до тех пор, пока на сцену не поднимается замполит, чтобы вручить мне грамоту и кипу книг в подарок. Потом за кулисами офицеры мне говорят о том, какой интересной была моя беседа.

Тогда я не выдерживаю и спрашиваю: «А почему же тогда солдаты меня не слушали?». А мне отвечают: «А они русский язык не понимают, они из Средней Азии». – «Зачем тогда хлопали?!» – «Значит, понравились вы им. Они ведь живут в тайге, охраняют заключенных, девушек не видели почти год». Вот такие нелепые и смешные истории были.

В читальном зале я проработала около 8 лет, затем Валснтина Ивановна Галисва, которая стала к тому времени директором библиотеки, предложила мне перейти в методический отдел. Начался новый этап в моей жизни.

Когда я пришла в методический отдел, заведующей в нем была Лариса Павловна Реттик, женщина интересная, веселая, с

чувством юмора. Но вскоре она уволилась, и мы остались с Верой Яковлевной и Ириной Никитичной, у которой свой участок работы (Вера Васильевна была в декретном отпуске). Я потом поняла, как нелегко было Лупаревой в этот период. Нужно делать годовой отчет, у меня нет никакого опыта в этом, а сроки поджимают. Помню, три дня делала сводную таблицу внестационарного обслуживания, а Вера Яковлевна ничем не выразила своего неудовольствия. Хорошо, что на помощь в трудные минуты приходила Ирина Никитична. Работать было трудно, но интересно. И всегда я чувствовала поддержку моих коллег.

В этот период жизни большое влияние на меня оказала Тамара Федоровна Федорова. Я всегда с глубокой симпатией относилась к ней, видя в Тамаре Федоровне высокого профессионала, но, став методистом, открыла для себя такие ее качества, как душевность, благородство, умение понять тебя и помочь в трудной ситуации. Вспоминаю, как она помогала мне подготовить первое выступление на городском семинаре. Поражаюсь, насколько глубоко она знала библиотечное дело, вникала во все детали и при этом не считала для себя зазорным посоветоваться с нами. А какой авторитет у нее был в городе! К ней приходили со своими проблемами начальник управления культуры и профессор СМИ, депутаты горсовета и руководители учреждений культуры. Когда она входила в актовый зал, где проходило совещание библиотекарей города, красивая, элегантная, уверенная, все как-то внутренне подтягивались. Всегда с удовольствием слушала ее консультации на семинарах, выступления с анализом работы библиотеки – четкая, правильная, логически выстроенная речь, красивый, выразительный голос. Придя в методический отдел и ближе узнав Тамару Федоровну, я попала под ее обаяние. Если мне приходилось выступать где-то, и я видела в зале Федорову, могла наблюдать ее реакцию, то у меня появлялся какой-то азарт, вдохновение, хотелось выступить лучше.

Очень тяжело мы пережили смерть Тамары Федоровны. Поражались тому мужеству, с которым она держалась во время болезни. Последний раз я видела Тамару Федоровну за несколько дней до ее смерти, когда она уже не вставала. Но выглядела она хорошо, и я ей сказала об этом. Помню, Тамара Федоровна

улыбнулась, а когда, уходя, я обернулась, то увидела в ее глазах такую тоску...

Работа в методическом отделе разнообразная, интересная. Чем только не приходилось заниматься! Особенно запомнились наши КВН, конкурсы лучших по профессии, различные библиотечные праздники. В эти дни особенно чувствовалось единство коллектива, гордость за своих коллег. А люди у нас действительно нсординарные, талантливыс. Составляя сцнарии праздников, конкурсов, я всегда ориентировалась на яркую индивидуальность Кручининой Ирины, Силенковых Галины и Татьяны, Протопоповой Елены, Сычевой Нины и других. И всегда страшно болела за них всех, радовалась их удачным ответам, интересным находкам. И проводя городские конкурсы, я всегда испытывала страшную гордость за то, что наши участники – лучше, умнее, ярче. И в то же время я гордилась тем, что не «подсуживала» своим. Однажды на конкурсе «Деловая женщина-90» наша Нина Сычева и Надежда Конюхова из библиотеки КМК набрали равное количество баллов. Чтобы решить проблему первого места, мне нужно было на ходу придумать вопрос для болельщиков. Я могла бы предложить такой вопрос, который не составлял труда для нашей команды, но какое-то внутреннее чутье подсказывало, что это было бы для них унизительно. В результате наша Нина заняла второе место, а меня потом долго упрекали, конечно, шутя.

Какой бы интересной и нужной ни была работа, для меня всегда главное в ней – это люди. Методическая работа, как никакая другая, тесно связана с общением. Слова Экзюпери о «роскоши человеческого общения» стали уже избитыми и банальными, но действительно – лучше не скажешь. Я с удовольствием общаюсь с людьми, наблюдаю за ними, пытаюсь «читать их души».

Сколько людей приходилось встречать на своем пути за долгие годы работы в Гоголевке! Людей самых разных – и тех, которыми я восхищалась, и тех, которых я понимала, и тех, которым я сочувствовала, и тех, с которыми было нелегко. Каждый из них оставил какой-то след в моей душе, положительный ли, отрицательный ли – не так уж важно – любой опыт полезен, он пригодится в дальнейшем. И я благодарна судьбе за то, что она так повернулась ко мне и привела меня сюда – в Гоголевку.